

ЛЕТНЕЕ КАПРИЧЧИО

А вечером,
я получаю Гурию на блюде.
И ушки и сустав
и кровь в сосуде.

Где город тот
 где жили мы! Нигде.

Где улицы что на руке
 прямые линии чертили. Мертвы
 пустынные сады где были
 цветники и осы,
 напрасны были те молитвы,
 причуды летние
 мертвы.
 Священный воздух той поры
 зашит в мешок
 и в бездну брошен.

В ДВИЖЕНИЯХ СНА ЛЕНИВОЙ ГОЛОВЫ КИВОК НЕ ОЗНАЧАЕТ НИЧЕГО

Как хорошо
 меж тихих этажей
 на белом подоконнике взлетать
 покуда
 неуверенный рассвет
 на крышах золотит печные трубы.
 Где спаян мглой двора пустой квадрат
 и стенами затянутые лица не ведают утра
 покуда
 от будней нас святые сны хранят.

КОРОЧЕ ДНИ

не столько спишь
 сколько хотелось бы и пробудившись
 в бешенстве швыряешь в стену
 белую подушку,
 едва осознаешь куда-то
 делось—
 — блаженное безделье по утрам,
 плывешь когда по солнечным углам
 медлительною тенью,

НОЧНЫЕ БАБОЧКИ ОБАЛДЕВАЮТ ДНЕМ

МЕЖЗВЕЗДНОЙ ПЫЛИ БАБОЧКИ ПОДОБНЫ

над лугом устрашающей вселенной:
то разлетаясь,
то сойдясь в цепи,
их танцы четырехвалентны.

2.

Колода карт
разложена с утра
на изумрудном ломбере стола — лишь пауза,
зловещий жест беззвучья, уловка
затаившихся стихий.

Но что нам пляс перепитий грядущих,
мастей беснующихся черный серпантин,
звезды мальтийской
что нам восьмилучье!

ЗЕМНЫЕ СОЧТЕНЫ ДЕЛА

Когда оцепеневшим взглядом мерить
равнину комнаты пустой
и негодуешь, как очнешься
где они! —
— пустые светлые затеи,
разгульный тарарам, когда
по комнате горланя понесешься,
и стул поверженный к ногам
турецкой тапочки коснется.

Но вот устанешь,
голову на миг откинешь, забудешься
ничем и ни о чем
как падишах в небесном паланкине
волшебным рукавом навек сметая
и таинства и радости невинных —
— пустые вымыслы,
все суэта земная!

Звук пианино
из пустой гостиной
и свод ромашек в вазе синей устал:
зашедшийся с утра унылый ливень.

ПЕЧАЛЬНЫЙ МИР

Где каждый вздох сочтен,
развенчан голос, слух переимен:
мгновений быстротечный прочерк
среди руин
сухие стебли носит.

Тот ли мир в котором день
в пробужденном ото сна мозгу
дырочку буравит.

Утро.

Свинченный носок обнимает ножку стула.
Вот оно — Грядущее,
то, чему во имя вдохновеньем и порывом
соткан нечет светлых лет.

РАСТЕКАЕТСЯ В ЗРАЧКЕ ЗАКОННАЯ ЛАЗУРЬ

начат день
с подтека на гардине,
с пятерни печатной на стене.

В одеянии телесном ты
по комнатам витаешь — городская дичь!
То ли утро; эфемерный тот напиток —
чай в стакане!

Трапеза или закланье: в доме
среди вещей трехмерных —
— мелочи на мелочах, ладони по которым
скользят не прикасаясь.

Во дворах укромных:
груды ящиков и щебня, чахнет снедь, огрызок
просвистев над ухом

шваркнул окаянный об асфальт,
волну всплеснув
в танце сдвоенном любовном
шпанских мух.

Лето желанное что ты
вздыбило мути и хляби, во имя чего
злачные недра разверзло,
к чему,
блудных собак в закоулки манишь
зловоньем объедков.
Лето, голубь подбитый курлычет
в черной траве.

ТО ЧЕГО ЖДАЛ ПРИШЛО

Сонный пустырь, сколы консервных банок,
ржавый войлок, взвизги диванных пружин.
Мир,
тебя рассекла пополам
гильтина окна. Там
за квадратом рамы
стынет останок, здесь —
— роковая корзина, куда
с плеч упадет голова.

К О Р О Ч Е

Пора остыть,
пора остановить, стреножить
завитком травы
легенд беспечных канитель.
Теснит привычка
взбалмошность и пыл —
— поры
где прозой был
самозабвений хмель!

ГНИЛАЯ ТКАНЬ ПРОСВЕТАМИ ЗАТЛЕЛА

и сумрака трясина разошлась...
Двуликий День
ле-ни-во перебрал
ряды клавиатуры белой,
как шулер
сбросив за рукав пустую карту
взвинчивая цену,
идет ва-банк
латунный верджинал.

О, ЭТОТ ЧАС ВСЕГО ЛИШЬ ИНТЕРМЕЦЦО

Гора исписанных листков -
- стихи мои
без посвящений,
как утро то
без размышлений
не обозначенного дня,
когда свидания срываешь
и забываешь имена.

ЕЩЕ ОДНА МЕРТВА ОКТАВА

О тишина,
Ты в мир пришла как воздаянье оглушенью...
Но что это! -
- С площадок лестничных когда
тяжеловесные шаги
спешат к тебе
стуча о мрамор!
Когда пудовым кулаком
наклон трепещущих перил
зажат!
И замерла душа, когда
в набат
заколотил звонок дверной!
И в гулком коридоре р а с к а т и л о с ь :
Кто это?

... - ОБЫДЕННОСТЬ!!!

— Открой мне, Шлоев.

Я — Красилов.

БЕЖАТЬ ОТ ПРОЗЫ, НО КУДА!

В сады,

и канут без следа

метаморфозы колдовские.

Постылый день,

пустые номера

подсказывают нам маршрут недалекий

и этот гром

похожий на трамвайный

перелистнет прошедшая гроза.

3.

Сирень на ветру наклонила

пурпурно-белые гроздья.

Недвижимый мир

июлем шальным обозначаем.

Лишь фраз неоконченных

в воздухе носятся ленты, —

затейливый росчерк текущего дня,

знаменья,

которых упрочить нельзя.

КАКОЕ ВРЕМЯ НАМ

ПОДСКАЖЕТ ДЕНЬ НА СОЛНЕЧНЫХ ЧАСАХ

Раскован, ветренен, и пьян —

— Я молод, что ли!

Что мне дребедень!

От квартала до квартала начат

и закончен взмах —

спешных дел, свиданий неотложных

перебор случайный,

что мне!..

всплеск житейской прозы,

видимость утрат.

НЕ ИЗМЕНИТ НИЧЕГО
ВЗОР НЕСУЩИЙСЯ В НИЧТО

Не обманет облик странный —
— бледность томная — к лицу,
щегольский наряд с изыском
на манер испанский,
роза белая во рту.

Я не тот
кто грядет
в толчее бульварной, гранд среди толп,
истонченный и небрежный ферт,
разметавший в жерлах улиц
белые одежды,
или воздух теплый встречный
рассекающий лицом.

КТО ПОВСЮДУ, ТОТ НИГДЕ

О, творение без плоти.
Вспышка ночи среди дня —
все же я люблю тебя! —
тень бегущая от света,
лишь на занавеси легкой, ~~разметавшихся~~
разметавшихся в окне
золотых волос волна.

НЕ ОТВИТЬСЯ ОТ ЛАСК

Ты легка
пока листья шумят,
поцелуев твоих не прогнать,
ты легка на пылающий лоб,
готовая взвиться от вздоха.

И Ю Л Ь П У С Т Я К

разовьет мои волосы ветер, я люблю тебя
черная прядь!

Маливин!

Ты во власти губительных порывов,
упоенья.

Промчишься сквозь ряды
и купишь

маки

в суতোке рынка.

ВОЛШЕБНЫЕ СМЫЧКИ ДОСУГОВ ЛЕТНИХ

желания, надежды
и цветы.

Что знаешь ты!.. торговка о любви,
об идолах в твоей руке железной —
— О Маках алых, алых
до поры.

ИСПОЛНЕН ДЕНЬ ТОТ СОВЕРШЕНСТВ СЛУЧАЙНЫХ

Букетом огненным взмахни
и прыгай через лужи:
через трамвайные пути,
вновь окрылен и счастлив
снова

лети в грядущее, скачи
по тротуарам невесомым.

Вдоль улиц, где на мандолине
играет доннам сегидильи
идальго
плектром костяным.

КАК ВЕСЕЛ ГЕЛЬСИНГФОРС В ИЮЛЕ:

В кафе Тернс-Плайд через стекло
успеешь ты еще
махнуть рукой колдуньям.

И темный потянуть "флере" на Брунской
с булочкой в изюме

КАЛИПСО СПЕТО

Пусть теперь тебе
станцует Терпсихора...
В самом деле,
ВРЕМЯ

опуститься на скамью
под азалию Вазейя.
Листьев шелест
изумрудный в том саду
едва ли слышен
спящим дервишам...
В чалму
впутал пурпурные ленты
вожделенный рододендрон.

ТАК ПРОЙДЕТ МИНУТА , ДВЕ

Возле мраморной вазетки
созерцания
ниспавших локонов вьюнка,
или
крапинок цветных
в шапках клевера у кромки,
или
трепета на ветке
над качелями пустыми
листочков резных.

Т И Х Э Т О Т С А Д

Ни он, ни ты, Маливин,
не обронят слова, —
безмолвья сговор вас роднит.

Воистину!
Всевластный миг
 благословенной тишины
и чувствам
и душе дарован.

М А Л И В И Н С П И Т

Иерофант на троне!
Средь идолов языческих и нимф.
В полунаклоне свод над ним
мифические вервия возводит,
и в неге лепестков пунцовых
Немврода рот полураскрыт.

О ПОВОДЫРЬ ГОРЯЩИЙ РОДАМИН

Из тех ли ты фантазий
на изгибе
дорожек желтых, там,
где роз Виргинских соцветьям
взят аккорд созвучный —
излюбленная стретта
тех цветников,
тех клумб многофигурных.

М А Л И В И Н

ВЕСЬ В МЕЧТАХ
гарцует шмель, не знаю,
какие ты цветы
в букеты собираешь
Он собирал
невечные цветы:
Дельфиниумы синие, левкои
и зефы львиные,
а что это такое!

1975 г.